II

О трех сватах

Был я в Москве, на Красной площаде, случилось нас три свата. Сват свата спросит: Ты, сват, откуда? Я, сват, с Тверска. А ты, сват, откуда? Я из Белозерска. А ты, сват, откуда? Я из Коргополска. Сват у свата спрашивает: Што сват, скажешь, чего мол спросиш, дал ли бог, уродил ли Христос хлебца-кормилца? Ой, сват! Дал бог, уродил Христос хлебца-кормилца, перогов, как врагов, сканцами хотя пол мости, а блинами хоть кровлю крой. А ты, сват, што скажеш, чево мол спросиш, дал ли бог, уродил ли Христос божьей травки, христова табачку? Ой сват! И з деньгами не наитить. Так ну, сват, табак-от розовьем, да и прокот розобьем. А ты, сват, што скажеш, чево мол спросиш, за кем жить лучше: иль за попами, иль за дьяками, иль за господами? Ой, сват! За попами жить худо, а за дьяками жить трудно, походя наежся, сидя выспися. Ой, сват! А за господами жить и тово хуже, годы ты скудные, а оброки ты болшие: дай пять рублев денег и кринку масла, шапку яиц, полоть вечины, индейку богату, курочку хохлату, и уточку. То я кое-как збился, кое-как сколотился, оброк-от я собрал — пять рублев денег, кринку масла, шапку яиц, полоть ветчины, индейку богату, курочку хохлату, и уточку, — да и поехал я в город к барину, к своему господину. Приехал я в город к барину, к своему господину, и стал у ворот; день стою, другой стою, на третей день вышел холоп, барской человек. Мужик, — говорил он, — дурак, чево ты стоишь, чево ты глядиш? Тово я братец стою, тово я гляжу, что сам на двор ити не смею, а донесь некому. Мужик-дурак, дай мне алтын, я барину о тебе донесу, и все дело то роскажу. Алтына то у меня не случилось, а гроша дать то мне пожалелось. Стою я неделю, стою я другую, наитить. Так ну, сват, табак-от розовьем, да и прокот розобьем. А ты, стоиш, чево ты глядиш? Тово сударь стою, тово сударь гляжу, что донесть вам некому. Барин от приказал на двор въехать, и оброк-от с меня обрал, а ме доброму молотцу, бок надрал, и притом сказал: Поежай, мужик, домой, да работа, да впреть оброк припасай. Поехал я домой к государыне своей жены, ажно на дороге случилась гора-та крутая, а лошадка-то у меня молодая, до полу горы вставала, а посреде горы пропала; тут я стосковался, тут я згоревался, вынял клепичище, содрал кожурище и в гореси не видал как на гору-ты ставал, повесил кожурище на случившуюся хробасищу, а тово не видал, что против чьевото барсково двора стоял; со двора увидел меня холоп, барской человек, пришед ко мне, ну меня бить, ну меня увечить: Мужик-дурак, зачем ты против барсково окошка подинны кожи вешаш? Кожурище то он взял, а меня, доброво молотца, в шею протолкал. Поди домой к своей жене, а пообедай, а впреть таких пакастей не делай.

Пошел я домой, как бутто после свадьбы молодой, по приходе стречает меня жена, сударыня моя, и говорит: О чем муж тужиш, о чем муж тоскуеш, что же ты не весел, и голову повесил? Я ей сказал и всио то похождение-то сказал. Она мне на то: Не о чем тужить, можно на холопа в городе судьям попросить, возьми пять рублей денег, полоть вечины, кринку масла, индеечку богату, курочку хохлату, и уточку, да шапку яиц, и поежай муж в город просить на холопа, на барсково человека.

Послушал я жены, поехал я в город просить на холопа, на барсково человека. По приезде в город, судьи дал пять рублев денег, заседателю полоть ветчины, другому кринку масла, секретарю дал индеечку богату, да курочку хохлату и уточку, подъячим роздал шапку яиц. И пришел я в суд, а оне меня спросили: Мужик, што твое дело, о чем ты просишь?